

Август

Ольга Черепанова

16+

Ольга Черепанова

Август

«Автор»

2021

Черепанова О.

Август / О. Черепанова — «Автор», 2021

Люди, живущие вместе - не всегда близкие. Случайно встретившийся в жизни человек - не всегда чужой. Свобода всегда имеет границы, а плен не ограничивается тюремной решеткой. Драматичная история о переплетении нескольких судеб, у которых из общего - лишь этот последний месяц лета и скрытое от всех чувство одиночества.

© Черепанова О., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава I.	5
Глава II.	12
Глава III.	16
Глава IV.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Черепанова

Август

Глава I.

В коридоре за выбеленной стеной мерцала тусклая желтая лампочка.

Две секунды света, одна секунда тьмы.

Ее пыльное сияние едва проникало в продолговатое, под самым потолком, без малейших признаков стекол, окно каморки Перевалова, но даже при всей своей слабости умудрялось вызывать у него раздражение. Что-то снова случилось с проводкой, нужно вызывать и чинить. На такие мелочи времени всегда не хватает.

Каморку прозвали “Большим кабинетом” в местных кругах. По факту это было мрачное помещение в пять шагов в обе стороны, не больше и не намного комфортнее соседних дыр, в которых жили пойманные неутомимыми коллегами Перевалова беззаконники. Каморка располагалась в левом и самом отдаленном крыле административной части. В последние годы она была перестроена и увеличена за счет бараков, но следы от подошв на стенах вперемешку с остатками надписей, проступающих через осыпающуюся штукатурку, служили непрерывным напоминанием о прежних временах.

Одним из таких коллег, но уже не настолько неутомимым, был Аверин, заместитель Перевалова. Он сидел по другую сторону стола, медленно копаясь в личных делах заключенных. Это была стандартная текучка, которую сам Перевалов мог бы выполнить гораздо быстрее него. Но выбор был невелик – либо делать все самому и оставаться на трети сутки, либо делегировать часть работы и разделить свое пространство с тучным, постоянно потеющим сослуживцем. Через две недели намечалась глобальная проверка из главного штаба, и нужно было привести все дела в порядок. А их накопилось немало.

Аверин никуда не торопился. Он постоянно отрывался от работы, подолгу сморкался в свой цветастый, по-видимому, позаимствованный у заботливой супруги хлопчатобумажный платок с кружевом по краям, после чего убирал его обратно в карман. Затем, утомленный напряженной процедурой, утирал влажный лоб рукавом кителя и глубоко вздыхал. Это зрелище каждый раз заставляло Перевалова пожалеть о принятом решении привлечь его к помощи.

День близился к вечеру. Оставалось сорок минут до прихода заключенных с работ. В этом учреждении после реконструкции труд стал обязательным. Для всех. К моменту их возвращения Перевалов надеялся отправить Аверина вместо себя на смотр, избавив таким образом себя от его общества и рутинной обязанности.

– Вот, Виктор Александрович, все думаю, каково им там, а? – Аверин решил, по-видимому, разбавить тишину, продолжая перебирать увесистые папки.

– Что вы имеете в виду?

– Зачем им, говорю, вменили в обязанность этот труд?

Перевалов посмотрел на Аверина, не столько испытывая интерес к диалогу, сколько ради того, чтобы проверить, не спятил ли его собеседник. Внешних признаков слабоумия не наблюдалось, хотя Аверин всегда выглядел так, будто только что перенес сложнейшую операцию.

– Я повторюсь, пожалуй. Что вы имеете в виду?

– Для чего им тут трудиться? – Аверин обрадовался возможности раскрыть свою мысль и в очередной раз прерваться – Ведь они в основной своей массе не привыкли трудиться. В обществе же как обычно складывается – человек на службе приносит пользу, изо всех сил старается, все это в основном ради блага своего и близких. – на этих словах Аверин поднял вверх

указательный палец, похожий на вареную сосиску. Вслед за пальцем он многозначительно поднял вверх глаза, всматриваясь в поперечную трещину на потолке, которая, очевидно, обозначала общественный строй – И дело это, то есть я имею в виду труд, слава Богу, пусть и с недавних пор, но сугубо добровольное. И у каждого есть, так сказать, право выбора. А у здешних выбора никакого нет, дело для всех едино, и отказаться тоже права никакого нет...

– Они свой выбор сделали, когда сюда попали. – Перевалов снова погрузился в работу. Продолжать ему не хотелось. Но Аверин, видимо, во что бы то ни стало решил что-нибудь обсудить, и крепко ухватился за первую тему, пришедшую в его тучную голову.

– ...Если это попытка приучить их к порядку и основам праведной человеческой жизни – то зачем? – Аверин улыбнулся сальной улыбкой – Все равно большинство из них, покинув наши места, не увидит свободы дольше, чем пару месяцев. И потом снова к нам: привет, вот уж не ждали! – он почти пропел последнюю фразу и театрально раскинул руки, имитируя объятия. Хотя здесь отродясь никто никого так не встречал. – И очень я сомневаюсь, – снова глубокомысленный палец вверх – что они потратят эти долгожданные минуты свободы, так сказать, на общественно полезный труд. Чуждо им. А нам одна морока. Запереть и забыть, я так считаю. Они тут себя сами неплохо развлекают.

«И ты сам себя тоже неплохо развлекаешь» – подумал Перевалов, а вслух ответил:

– Без труда человек обратно в обезьяну превратится. Мне здесь только обезьян не хватало. Но не нам решать. Давайте к делу вернемся.

В чем-то Перевалов был согласен со своим размахивающим руками собеседником. Ежедневная трудовая обязанность приносила пока больше хлопот управлению, чем реальной и значимой пользы. Цеха для работы отстроили и открыли недавно, до этого поступающие жили по иному распорядку. Любые перемены несут в себе волнения. Часть местных обрадовалась нововведениям, остальные были сдержаннее. Но поводов покинуть камеры стало больше, а соответственно, работы для сотрудников тоже прибавилось. В любом вопросе всегда есть сторонники и противники, и, видимо, в числе последних был и Аверин. Перевалову было все равно. Его основными задачами были поддержание общей дисциплины, управление работой подразделений и статистика. Поэтому он больше размышлял о заключенных с точки зрения цифр в своих отчетах. Три единицы в строке прибывших плюс, одна единица в строке пребывающих минус. В последнее время у него повысились показатели смертности, и его это беспокоило больше того, чем заключенные занимаются в течение дня. Не настолько сильно повысились, чтобы могло придаться начальство, но Перевалов в силу своей дотошности замечал любую намечающуюся тенденцию. Основными причинами были болезни, в числе первых – туберкулез, а также два суицида, что было отклонением от нормы ровно в два раза. Единственная причина в этой строке отчета, которая никогда не вызывала у него беспокойства – убыль вследствие исполнения официальной меры наказания. Даже наоборот, если бы она вдруг начала расти – он бы испытал, скорее всего, что-то вроде спокойного удовлетворения. Больше легитимных минусов – меньше ответственности.

Но в последнее время таких становилось все меньше и меньше. Все больше смертных приговоров заменялись на срок. Перевалов при мысли об этом снова испытал раздражение. Он ненавидел растущие гуманные настроения, и был в числе противников отмены. Скрытых противников, естественно. Он же не какой-нибудь Аверин, и никогда не стал бы размахивать руками, объявляя обществу о своих взглядах. Обществу плевать, оно может их только использовать против тебя, когда ему это понадобится. Перевалова чужие взгляды тоже никогда не интересовали, а рисковать своей репутацией ради болтовни – занятие сомнительное и абсолютно бессмысленное. Среди коллег в этом вопросе он никогда не получил бы поддержки, подавляющее большинство были за. Аверин в силу своей ограниченности не в счет. И вообще на работе Перевалов не обсуждал ничего, кроме прямых обязанностей. Для него было совершенно очевидно, что менять действующую систему червато новыми последствиями, что нельзя

копировать тех, на кого никогда не получится стать похожим. С каждым годом своей работы и в силу собственных неизменных убеждений он считал, что всем и каждому снаружи глубоко наплевать на то, что происходит внутри этих стен. Для них каждый из приговоренных – всего лишь подписанная бумажка за синим штампом, или десять секунд интереса в ежедневном выпуске новостей после бесконечного потока информации о вымирающих тиграх и перед лживыми погодными сводками. А для него это – пожизненная возня с теми, кто и так уже умер для общества. Зачем оттягивать неизбежное? Прицел в спину в коридоре, как раньше, и, о святые небеса, все счастливы. Но нет, это все слишком просто. Ему всегда нравились исторические методы наказания. И не нравились новые.

В отчете за прошлый месяц в этой строке снова было пусто.

Перевалов посмотрел на часы в надежде, что время уже подошло, и можно избавляться от Аверина. Тот продолжал пространно рассуждать на тему трудовой обязанности. Но нет. Еще рано выгонять.

– ... А те, кому этот труд будет все же полезен для исправления – он снова достал свой кружевной платок и Перевалов в очередной раз поджал губы, сдерживая презрение – так они, скорее всего, попадают сюда по причине случайных, однократных ошибок, а не жизненной философии, и надолго здесь не задерживаются. То есть, опять-таки, и без труда бы обошлись! А во сколько им постройка цехов обошлась, а? Ведь в копеечку влетело! А для чего? То-то же. – не получая никаких вопросов, он все же на них отвечал – ... Хотя надо все же им чем-то заниматься. Хотя бы с физической точки зрения, здоровее будут. Ведь там приходится пахать. А то вид у них уж совсем тощий и жалкий...

По сравнению с Авериным вообще большинство людей выглядят тощими и жалкими. Перевалов уже даже не делал вид, что слушал, и ничего не отвечал. Вспоминал, как на днях один из заключенных жаловался ему на режим, дескать, уж больно строгий. Перевалов тогда еле сдержался. Три раза в день кормежка и сон по расписанию – это строго? Строго – это когда на кол сажали при прежних режимах. Или четвертовали. Перевалов попытался вспомнить в ту минуту, когда он сам в последний раз нормально спал или ел, и никак не мог вспомнить. То ли от злости, то ли оттого, что это было так давно, что он начинал терять ориентацию во времени. А чертову свободу он вообще никогда не ощущал – ни на работе, ни дома, везде его голова была загружена здешними проблемами. И в подчинении одни болваны. Проще самому, чем с ними. А жалобы и нытье окончательно выводили его из равновесия. И сейчас то же самое. Аверин был на полшага от... Хотя что он мог ему сделать? Ничего. Любые руки лучше, чем ничего, в их работе. А желающих работать у них было не так уж и много. Отчасти из-за удаленности, но больше из-за специфики. “Скорей бы закончить и домой... – подумал он, – хотя и там мне покоя мало. Не отключиться бы среди бумаг. Интересно, успею ли прикорнуть на пару минут, когда отделаюсь от Аверина?”

Отсчет пошел на вторые сутки. Сегодня, как и всегда на дежурстве, он сидел с усталым, но очень серьезным видом за своим дубовым столом по уши в отчетах и материалах заключенных. Иногда, при всей своей занятости, он все же успевал вырвать несколько мгновений в подчиненном жесткому графику распорядке дня, чтобы досмотреть свои рваные сны. Они всегда были молниеносными, умещались, возможно, в несколько секунд. Делал он это так мастерски, что никому бы и в голову не пришло сомневаться в его бодрствовании, даже если кто-нибудь заставал его во время этого времяпрепровождения. В такой момент Перевалов глубокомысленно вдыхал, медленно и с расстановкой открывал глаза, сосредотачивал взгляд на невидимом предмете впереди себя, и со стороны складывалось впечатление, что у старшего надзирателя суровой Юго-Восточной тюрьмы полковника Виктора Александровича Перевалова только что прервалась глубокая и крайне важная мысль, отчего входящему становилось не по себе и он спешил удалиться. И каждый из них двоих в такой момент испытывал сильное облегчение.

Аверин вновь сделал паузу, потянувшись в карман. Перевалов, воспользовавшись моментом, выпрямил спину, размял затекшую шею, покачал ею из стороны в сторону, и сказал:

– Вы можете идти, Леонид Валентинович. Встречать. Дальше я сам.

– Вы уверены, Виктор Александрович? Ведь много осталось! – Аверин все же начал собираться.

– Время подошло. Нужно встретить конвой. Распорядитесь там обо всем вместо меня. Я продолжу.

– Я могу вернуться после.

– Нет, спасибо. Вы мне и так очень помогли. До свидания.

Аверин захлопнул последнюю папку, сложил аккуратной стопкой, еще раз выровнял края, чтобы сверху не упало, и встал из-за стола. Вышел из кабинета, ступая мягко, и как-то по-женски.

Снова на часы. Буквально пара минут до прихода. Если никто не заглянет к нему, еще есть шанс вздремнуть. Должен успеть.

Но не успел.

Со двора через форточку донесся стук тяжелых ботинок конвоиров по асфальту, впере-мешку с приглушенным шагом строя заключенных. Как всегда, глухой гул. Возможно, его и не было вовсе, и этот привычный топот ему просто снится. Мысли расплывались в разные стороны словно вздутая весенними паводками река.

А затем раздался крик. Чистый, детский крик. И он совсем не вписывался в привычный звук речного потока. Перевалов вздрогнул. Вслушался.

Дети здесь были неуместны, как трели соловья в черных пятнах выжженных сибирских лесов. Может, показалось спросонья? Здесь, внутри периметра, все, даже самое вопиющее, делалось тихо, вполголоса, чтобы не привлекать к себе внимание. Любой неосторожный шаг мог повлечь за собой новые неприятности, увеличить и без того огромный ком грязи, которым был пропитан каждый кирпич в стене, каждый куст в пустынном дворе, каждый волос на теле проживающих на этой проклятой территории.

Но нет. Ошибки не могло быть. Крик повторился. Снова и снова. Невозможно было разобрать слов, но было очевидно, что это ребенок, и что он находится снаружи, за ограждением. Что это?

Перевалов встал у окна, которое выходило во двор. В этом окне, в отличие от окна внутреннего, помимо стекол, были еще решетки и слой наружной колючей проволоки, поддерживающие деревянную раму плотными ржавыми рядами. Предназначение каморки изменилось, но решетки оставили. У Перевалова промелькнул вопрос: зачем? Внутренний доступ к логову убийц и маньяков был закрыт, тогда для кого же они предназначались? Свобода здесь была недоступна для всех. Наружная безопасность тюрьмы, одна из лучших в стране, не оставляла ни единого шанса на побег даже в случае выхода из здания. Самые опасные заключенные перемещались из участка в участок без кандалов – бежать им все равно некуда. Пятиступенчатая система охраны, круглосуточное видеонаблюдение, датчики отслеживания, реагирующие на любое изменение, и новейшая разработка системы распознавания лиц, ответственных за выход с территории. И это все помимо стандартных шестиметровых стен, часовых по всему периметру на вышках и бьющей током проволоки. Служили ли эти решетки защитой от попыток сбежать наружу, во внешний мир, самих зрителей? Являлись ли моральным препятствием для бесцельного созерцания ими этого самого мира?

Это было больше похоже на правду.

Иногда, в особенно тяжелые периоды, Перевалову хотелось все бросить и уйти туда, наружу, где нет тягучего смрада людских ошибок. А есть что-то другое. Возможно то, что в мире нормальных людей именуется добром и справедливостью. Перевалов усмехнулся собственной мысли. Где это добро? Куда ему идти? Есть ли оно вообще? Или он просто не умел

его разглядеть? Поэтому и решетки ему были не нужны, он добровольно заточил себя здесь. Навсегда. Может быть, до пенсии, которая при их службе случается раньше обычного. Если он до нее доживет. Если повезет. Или не повезет. Кто знает?

Но все же, что там случилось? Оранжевое солнце слепило глаза, отражаясь в стеклах, и понадобилось несколько секунд, чтобы сосредоточить взгляд на происходящем. А там действительно что-то происходило.

Арестанты толпились в проходе между промышленной и жилой зонами. Это был один из самых узких участков периметра, хорошо просматриваемый со стороны всех вышек. Таких проходов было два на территории тюрьмы, и второй из них вел к госпиталю. Доступ к периметру в таких проходах вел через тщательно охраняемые с обеих сторон ворота. Высота железобетонного защитного ограждения здесь была немного ниже положенных шести метров, отчего создавалась иллюзия относительной открытости и доступа к внешнему миру без фактической возможности такового. Обычно идущая четким строем, сейчас колонна замедлила свой ход. Конвоиры возвращали порядок в ряды шествующих, однако делали это не слишком рьяно, и заключенные, не получая сильного сопротивления, продолжали кучковаться. Все взгляды, включая конвой, были обращены в сторону ограждения.

Источник волнений находился по другую сторону стены. Оттуда обитатели здешних мест привыкли слышать лишь шум пролетающих истребителей да кваканье болотных жаб. Но сейчас там был ребенок. Он, похоже, звал кого-то. Издалека Перевалову было трудно разобрать слова, но было очевидно общее замешательство толпы, включая конвоиров. В это мгновение, казалось, стираются понятия осужденных и смотрящих, смешиваются между собой, и имеет значение только роль заблудившегося ребенка в жизни толпы взрослых, ответственных за его существование.

От колонны отделилась фигура заключенного. Бросилась к стене. Стена для местных выступала и забором, и щитом. Одновременно и препятствием, и шансом на свободу. Для некоторых – упреком совести. А для кого-то – надгробной плитой. Ее боялись, о ней мечтали. Но никто не смел к ней приближаться. Приближение к ограждениям ближе одного метра было запрещено, за нарушение позволялось стрелять на поражение. Все об этом знали, и прецеденты уже были.

Но фигура все же бросилась. Словно тень. Две фигуры конвоиров неспешно шагнули за ней. Бежать ей все равно было некуда. Предупредительный выстрел прозвучал незамедлительно. Тень продолжила свое дело, припала к стене, с очевидным намерением превратиться в пыль и просочиться сквозь бетон. Шансов у нее не было. Две фигуры уже рядом. Приклады, сверху вниз. Снова крики. На этот раз детский голос затерялся и утонул в гудении толпы, наблюдающей за этим представлением. Еще часть отделилась от шевелящейся массы. Беглеца схватили и оттащили от стены. Повисла, упала. Руки, ноги, волокита. Хаос в толпе. Борьба, выстрелы. Темная кровь на светлой стене.

«Беспорядок, опять беспорядок, черт вас всех дери – пробормотал себе под нос Перевалов, – снова отчитываться начальству». Вздыхнул и машинально посмотрел на часы. Его смена уже давно окончена. Однако кого это волнует? Инцидент произошел, наверняка есть пострадавшие. Никак не замять. С чувством полнейшей ненависти к окружающим его бумагам и людям, он вызвал к себе начальника караула, который уже успел навести порядок и отдал распоряжение разводить беспокойных арестантов по своим камерам. Аверина нигде не было видно, наверное, где-то провалился по дороге. Но в такой день вряд ли могло случиться что-то настолько хорошее.

Перевалов стоял у окна, восстанавливая в голове хронологию события и проговаривая ее про себя. Придется описывать в отчете. Осматривал сантиметр за сантиметром местность. Лучше всего запоминаются детали, когда тебе нужно пересказать их другому.

Основное здание напоминало своей формой восьмиугольник неправильной формы, с зигзагообразными пристроями. По периметру жилой зоны за формальным металлическим забором располагались корпуса подсобных помещений: прачечная, кухня, библиотека. За переходами в отдельных зонах – производство и госпиталь. Особняком стояла часовня. Каждый раз при упоминании о ней, Перевалов передергивало. Сам он не верил ни во что. И искренне не понимал, зачем нужна эта бесполезная архитектурная нагрузка здесь, в месте, куда и без того бессмысленные понятия, как вера или какая-нибудь надежда, все равно забыли дорогу.

Администрация располагалась в западном луче здания. Замки и ворота к нему служили лишь физической преградой. Здесь все сосуществовали вместе. Неважно, заслужил ли ты своим поведением свободу – пока ты тут, ты питаешься одной со всеми пищей, созерцаешь одни со всеми пейзажи, дышишь одним со всеми воздухом – все плывут на одном плоту. И даже те, у кого все же сохранялось право периодически выходить за периметр, порой в суете рабочих будней забывали, зачем им это нужно. Проще было не покидать лишний раз рабочее место, разгребая остатки работы, с одной только непрозрачной целью – чтобы на следующий день ее навалилось еще больше. Впрочем, так было, наверное, везде, не только тут.

Однако, административная часть все же имела одно внешнее отличие – ее металлическая крыша была выкрашена в красный цвет. Все остальные части здания, равно как и цвета абсолютно всего периметра, были в серых оттенках. Яркое пятно крыши было видно только сверху, а для находящихся внутри разницы не было, какого цвета что-то там, где никто никогда этого не видит. Кроме, пожалуй, пролетающих истребителей, которые тестировались на соседнем авиастроительном заводе.

Ближайший населенный пункт, небольшой рабочий городок Ширяевск, располагался западнее, в тридцати километрах отсюда, и весь персонал, который в основном жил там, перевозился наемным автобусом туда-обратно два раза в сутки. В свободное от поездок время его водитель спал, укрывшись газетой, или ездил по своим делам обратно в город. С противоположной стороны, к востоку, еще дальше по расстоянию, с незапамятных времен стояли несколько вымирающих деревень. Оттуда уже никто и никуда не выезжал.

Начальствующий состав предпочитал добираться сюда личным транспортом. Остальные предпочитали автобус. Перевалов всегда отделял себя от тюремного персонала, вынужденного передвигаться общественным способом, и делал все возможное, чтобы добираться и работать в полнейшем уединении. Дистанция должна была соблюдаться во всем, что он делал здесь. Включая отношения с сослуживцами.

В дверь постучали. Перевалов отошел от окна и сел обратно за стол. Было очевидно, что торчать ему тут еще долго.

– Войдите. – Голос отражал его настроение.

– Добрый день, Виктор Александрович. Лейтенант Лопырев. – молодой лейтенант отдал честь – Пришел доложить...

– Я все видел, не утруждайтесь. Бардак в вашей смене, Лопырев! Трупы?

– Нет, товарищ полковник.

– Вы уверены?

– Так точно. Двое пострадавших временно выпадут из рабочего состава, однако травмы, несовместимые с жизнью, отсутствуют. Дважды проверил медик. Состояние одного, беглеца, хуже, там глубокое огнестрельное, его перевели в госпиталь. Второго задело вскользь, и ничего серьезного, уже в состоянии играть в нарды.

– Это для вас ничего серьезного, а мне теперь неделю отчеты писать о происшествии. Отдуваться за вас перед начальством. Одни болваны кругом. Почему задело двоих? Я наблюдал, достаточно было одного.

– Подставился, товарищ полковник. Случайно.

– Случайно вы можете себе в ногу выстрелить, вставляя заряженное оружие в штанину. Если вы стреляете случайно по людям, значит, вы идиот, у которого нужно отобрать оружие, звание и допуск к выполняемой работе.

– Так точно. Мне нечего добавить, товарищ полковник. Виновный будет наказан – рядовой Ваку...

– Мне плевать, кто это. Достаточно того, что он будет наказан. Уж постарайтесь. Что с субъектом, который вызвал беспорядки?

– Вы имеете в виду... ребенка?

– Если это был ребенок, то да, я имею в виду его. Что с ним? Куда смотрели часовые? Почему допустили?

– Информация уточняется. Никто его не видел. Наверное, подкрался незаметно. Мы отправили караул на внешнюю территорию. Пока новостей не было. Говорят, что это сын подстреленного заключенного. Он сам из местных, ширяевских, только непонятно, каким образом ребенок смог добраться до этих мест. Мы уточним, в том числе у самого беглеца, когда он придет в себя, для предотвращения подобного в будущем.

– Идиоты... Не видели ничего, как всегда. Сколько лет ребенку?

– Точно неизвестно, но поговаривают, что около шести-семи.

– Я посмотрю его личное дело. Как, говоришь, его фамилия?

– Порошин.

– Найдите ребенка. Мне не нужны скандалы. Если он и смог сюда добраться самостоятельно, движимый великой целью, то на обратный путь боевого духа уже не хватит. Трупы в окрестностях мне не нужны. Особенно детские. Шум опять поднимут. Хватит мне его уже. Собак пустите. Полный отчет о действиях жду немедленно.

– Вас понял, товарищ полковник. Будет сделано.

– Свободен.

Перевалов огляделся по сторонам. В августе ночь наступает раньше обычного, и за окном уже загорались фонари. Тени от мебели удлиняются при их свете. Если бы не необходимость отчитаться о происшествии, по графику стоял бы вечерний обход и полусонная поездка домой. А там ужин, сон, и утром все снова по кругу. После проверки круговорот должен был вернуться к привычному, стать сноснее. Но не настолько, чтобы изменить к нему отношение.

Правило есть правило, приказ есть приказ. Он поставил старый электрический чайник, для чего пришлось подпереть клавишу включения спичкой, насыпал в кружку двойную порцию растворимого кофе, вкус которого он ненавидел, но который позволял ему еще как-то держаться, и, проклиная себя, это место, и весь мир, снова сел за свои бумаги.

Глава II.

Ожидание неприятностей всегда тяжелее самих неприятностей.

Солнце уже совсем скрылось за крышами соседних пятиэтажек, оставляя на небе лучистые розово-оранжевые разводы на ширину ладони. Бродячие собаки провожали лаем редкие машины, въезжающие по одной из немногих широких асфальтированных дорог в их маленький городок. Дневная пыль осела, и в воздухе из открытых окон ощущался свежий запах приближающейся августовской ночи. Раньше Лейла так любила этот месяц.

Сейчас она ожидала мужа, сидела у открытого окна. Уже прошел тот обычный час, когда он обычно входит в дверь и, не здороваясь с домочадцами, молчаливо стягивает с себя тяжелую форму. Он часто задерживался, и это всегда означало, что что-то стряслось на работе. И еще это всегда значило, что он вернется домой еще более напряженным, чем обычно. Его напряжение почти никогда не покидало его, но периодически становилось настолько тяжелым, что просто находиться с ним рядом в такие моменты было невыносимо физически.

Лейла глубоко вздохнула. Но чего ей было жаловаться? Жили они неплохо. Муж, с которым они были вместе уже почти десять лет, был весьма уважаемым человеком, занимал хорошую должность. Он служил государству в единственном приличном учреждении в их захолустном городке на двадцать тысяч жителей, в котором все остальное медленно, но верно шло ко дну. Ей, с детства мечтавшей о большой семье и детях, практически нечего было больше желать. Особенно с того момента, когда у них с Переваловым пошли дети. До них она всегда испытывала одиночество в этом доме. По правде, одинокой она ощущала себя всегда с того самого момента, как она покинула родину, и оказалась в этих краях, но с появлением малышек это чувство начало ее понемногу отпускать. Ослаблять хватку.

Детишек было трое. Сегодня по странному стечению обстоятельств все уснули раньше обычного. У Лейлы выдалось время для себя. Но тревожное чувство, которая всегда возникало у нее на интуитивном уровне, не позволяло расслабиться и насладиться одиночеством.

Старший сын, Данилка, прошлой осенью ему стукнуло восемь. Перешел в третий класс ширяевской начальной школы, с посещением дополнительных занятий с уклоном в математику. Его отец прочил на государственную службу, видя в ней единственно возможное стабильное будущее. Мальчик хорошо учился, проявлял живой интерес к творчеству, часто отличался в конкурсах по вокалу и танцам, чем неоднократно вызывал чувство робкой гордости у матери и стыдливую неловкость у отца. Он не поощрял его увлечения песнями и плясками, считая это недопустимым занятием с точки зрения семейной репутации. Однако Лейла всякий раз мягко убеждала его, что с возрастом все детские увлечения меняются, и в скором времени он обязательно подберет для себя что-нибудь более подходящее их положению. Спасало также и то, что отец всегда пропадал на работе и не принимал активного участия в школьной жизни старшего сына, а Лейла часто просто забывала упомянуть о творческих достижениях сына в присутствии отца. Данилка в свою очередь тоже быстро уяснил, что некоторые свои порывы все же лучше держать при себе.

Второй появилась девочка. Роды оказались сильно сложными, и обе они – и мать, и дочь, едва не умерли, к моменту их первой встречи. Назвали ее в честь бабушки по отцовской линии – Манечка, и появилась она на свет в новогоднюю ночь на рубеже десятилетий. Девочка, словно звездочка, сияла бесконечными улыбками в течение всех своих коротких шести лет жизни. Она безумно любила отца, всегда предпочитала его обществу любому другому, и очень ценила те редкие минуты, когда он находился рядом. Не было ни единого случая, чтобы она обиделась на него, или расстроилась вследствие его невнимательности к ней. Она была уверена, что он не может быть неправ, и если и происходило что-то неприятное, в ее глазах виноватым был кто угодно, включая мать, но только не он. Лейлу такое положение дел почти не беспокоило,

более того, часто она сама вставала в защиту мужа, даже не имея на то реальных оснований, и поддерживала тем самым в малышке сильное светлое чувство к родителю.

Младший сын, Ванчик, пяти лет от роду, был копией отца и во внешности, и в повадках. Он никогда не проявлял сильных положительных эмоций, был сдержан в проявлениях чувств к матери, боготворил отца, как и Манечка, и его забавляло слушать его редкие рассказы о происшествиях на работе, связанных с арестантами. Он быстро понял разницу между свободным человеком и человеком, осужденным на заключение, часто играл в преступников, изображая момент ареста, и часто носил с собой толстую палку, воображая, что это заряженный автомат. Лейле не нравилось это увлечение, и в глубине души немного пугало столь явное наследование неприятных черт отца. В муже она привыкла видеть презрение, однако в ребенке проявление этого качества вызывало у нее холодные мурашки. В конце концов, как и в случае с Данилкой, она внушила сама себе, что это всего лишь невинное увлечение, которое в скором времени пройдет.

Лейла выросла в огромной дружной семье в деревушке в Средней Азии. Ее растили в чувстве глубокого почтения к старикам, родителям и мужу. Все свое детство она провела, изучая унаследованное от мудрых прабабок искусство быть прекрасной дочерью, а в будущем – женой и матерью. События в ее деревне, которые она не могла вспоминать без ужаса, заставили ее бежать в страну, дружественную по языку, но с сильными различиями в культуре воспитания. Ценности, которые ей казались несравненно важными в жизни каждой девушки, внезапно отошли на второй план, сменившись качествами, которые ей с детства казались чужеродными – стремлением к достижениям в области образования, профессии, накоплению материальных вещей, развитию амбиций, которых у нее никогда не было. Она не была противницей западного стиля жизни, она просто не совсем его понимала, и уже будучи практически взрослой девушкой, ей приходилось постигать его азы с нуля.

С поддержкой далеких родственников Лейла получила образование в области сельского хозяйства и обосновалась по студенческому распределению в небольшом сибирском городке, в котором и встретила на одном из ежегодных праздничных городских мероприятий со своим будущим мужем. Пробираясь к выходу из толпы, она наступила каблуком ему на ногу. Он выругался. Она, испытывая чувство вины, принялась извиняться перед хмурым незнакомцем, который продолжал испепелять ее гневным взглядом. Однако, поток брани в ее адрес он прекратил. Лейла не знала, что еще она могла сделать в качестве оправдания, и поклонившись, быстро ушла.

С того момента прошло около месяца. Однажды утром на вахте в ее студенческом общежитии она обнаружила анонимную записку с предложением встретиться тем же вечером в маленьком сквере на ее улице. По всем нормам приличия ей следовало бы проигнорировать это послание, но природное любопытство и тщательный анализ безопасности места встречи все же привели ее в назначенное время к маленькому фонтану у входа в сквер. Там стоял Виктор – так он тогда ей представился, и с тех пор она его только так и называла. За исключением редких моментов близости, когда ей казалось, что он все же способен чувствовать её нежность. Ухаживания были короткими и не слишком красивыми, как ей мечталось, однако все те же нормы приличия требовали скорейшего определения его места в ее жизни. Поэтому, получив от него предложение руки и сердца в виде молчаливого подарка – кольца с маленьким граненым камушком по центру, она также молчаливо согласилась.

Лейла от природы была мягкой и терпеливой. Она верила, что со временем ее муж перестанет быть чужим для нее, что для создания крепкого союза необходимо время, терпение и труд, и ее поначалу несколько не пугала его отстраненность от ее маленьких семейных традиций. Она ненавязчиво готовила ему вкусные блюда из своего детства, ухаживала за ним, всеми доступными ей способами берегла тот очаг, который он создал для нее однажды, приведя ее в свой дом после замужества. Время шло, отношения оставались прежними. Он не обижал

ее, нет, Лейле бы и в голову не пришло упрекнуть его в грубости или жадности. Просто... Просто они были такими разными. Что их удерживало рядом? Были ли у них общие точки или причиной образцового внешнего счастья была ее уступчивость? Лейла старалась не думать об этом. С годами она уже почти не вспоминала о тех мечтаниях, которые терзали ее у истоков брака, и все чаще, наоборот, казалось, что с возрастом ее мудрость обретает новые очертания. Тихая радость от имеющегося заменяла собой громкие восторги от несбывшегося.

Самыми счастливыми моментами в тихой жизни Лейлы были минуты, когда все трое детей засыпали в своих деревянных кроватях в большой светлой, выделенной под детскую, комнате. Когда муж еще не успевал приехать с работы, а она могла, глядя на нежные умиротворенные дремой родные лица, посидеть в тишине и помечтать. Мечты были скромными, скуповатыми. Она боялась себе признаваться в каких-то желаниях, искренне считая это проявлением неблагодарности к дарованному ей свыше семейному счастью, однако проблески надежд, обрисованные ее свободным от границ воображением, все же освежали ее после трудовых будней. Лучше всего ей мечталось о том, как она могла бы воссоединиться со своей семьей, как внуки радостно запрыгивают на колени к добродушным старикам, будь они живы, и как ее отношения с мужем из черно-белых тонов окрашиваются в красивые пастельные оттенки. Чем дольше длились эти минуты, тем сильнее она погружалась в свои мысли, и тем сложнее бывало ей вернуться к реальности.

Дети спали и сейчас. Но сегодня тишина особенно давит вперемешку с тиканьем секундной стрелки на больших старинных настенных часах в гостиной. Лейла не любила эти часы. Как и многие вещи в их доме.

Квартира по роскоши убранства напоминала исправительное учреждение. Виктор не любил декор, считая его пустой напыщенностью. В тех случаях, когда Лейла привносила в обстановку яркие нотки, свойственные ее некогда живому характеру, он либо прямым текстом просил ее избавиться от излишеств, либо избавлялся от них самостоятельно. Излишеством могла служить вручную расписанная ваза для полевых цветов, или связанное крючком цветное покрывало для жесткой кушетки, или вышитые ею цветные салфетки на обеденном столе. Ее бабушка так многому ее научила! Лейла даже не всегда знала, где оказывались эти вещи после их исчезновения, однако научилась ловить презрительный взгляд Виктора в их сторону еще до того, как тот в мыслях выбрасывал ее. В таких случаях она успевала припрятать дорогие ей предметы быта в маленький кованый сундук, доставшийся ей по наследству от матери, в надежде, что когда-нибудь ее дом снова станет ярким и можно будет вновь ими воспользоваться. Пока это было лишь в ее мечтах. Кое-чему из созданного Лейлой декора все же удавалось прижиться – например, прозрачным занавескам в едва заметный белый на белом фоне цветочек, тряпичным куклам для Маши или лоскутным мягким коврикам в детской. Туда Виктор если и заглядывал, то не вникал в детали. За вечным детским беспорядком было трудно разглядеть обновки, и поэтому там Лейле можно было дать волю фантазии.

Квартира была просторной, но отчего-то тесной; теплой, но не уютной; она была ее пристанищем и одновременно чужбиной. Но попытки влить в обстановку душу Лейла не оставляла.

Лейла смотрела на свое отражение в оконных стеклах.

Через распахнутую створку бесшумно влетела бабочка. Свободная такая, ее не останавливают рамки частной собственности и приличий. Очень красивая, легкая. Села на штору. Штора даже не колыхнулась. От движений человека в этом мире всегда что-нибудь колыхнется. Если не сейчас, не рядом, но где-то отдается обязательно. Эхом последствий. А бабочке не страшно. Совсем. Сидит, украшая все вокруг себя. Что-то вспомнила, вспорхнула, улетела, не оставила после себя даже точки. Бабочка живет ярко, пусть даже всего сутки. А может и не было ее. И слишком легко было бы вообразить ее снова на этом же месте. Природа идеальна. Человечество нет. Почему? Человек же тоже природа. Или нет?

Ключ в скважине, скрежет замка, шорох на пороге. Этот привычный звук Лейла почти различает, настолько ясно и одинаково он обычно звучит. Но сейчас он только в воображении. Виктора нет, и судя по подкрадывающейся ночи, его уже можно не ждать.

Можно ложиться спать.

Может оно и к лучшему.

Глава III.

Лопырев вышел из Большого кабинета. «Чтоб тебя... за ногу...» – проговорил он одними губами, обращаясь не то к начальнику, не то к спровоцировавшему неразбериху заключенному. Он зло поморщился, представляя, что сейчас вместо положенного после отбоя короткого перерыва, во время которого он хотел отыграться за вчерашний проигрыш в карты, ему предстояло предоставить отчет об инциденте.

Мысли блуждали, пытаясь обогнать его в узких коридорах, на все же сохраняли логическую связь.

«...Сегодня, значит, не получится уже. Да и ладно, пара дней и вопрос решен. Все равно отыграюсь. Переваловский приказ. Отчёт. А перед этим нужно распорядиться насчет поисков нарушителя, пацана этого. Что за чертовщина, откуда здесь вообще могут быть дети? К этим окрестностям, с их атмосферой, приблизиться добровольно может только полностью одичавший. Хотя пацана можно понять. Его папаша здесь, а матери, судя по всему, глубоко наплевать. Ищи его теперь неделю. Ему не выжить одному тут. Прав Перевалов, хоть он и кретин, что тот, кого мы ищем, уже вряд ли нуждается в нашей помощи. Не сегодня, так завтра, или через месяц, его будущее его настигнет. Прошлой ночью тут выли волки. Ищи сейчас в лесах себе приключений... И еще болота эти... Что мы там найдем? Если уж судьба этому мальцу с волками встретиться, уж лучше бы он сделал это до происшествия. Меньше мороки было бы всем. И этот папаша бы дрых сейчас в камере, а не в санчасти валялся. Эх... Так-то жалко парня, совсем еще ребенок же. Я в его годы, помню, таким же любопытным был, все время шатался, где нельзя было. Это и манило... Ну что теперь. Это его выбор, хоть он мало что еще понимает... Первым делом, значит, надо распорядиться насчет ребенка, потом проконтролировать состояние отца. Медик как-то неубедительно отвечал на вопросы о последствиях его ранения. Может, пьяный был. Конечно, при его-то службе, что ему еще делать? В носу ковыряет сутками. Три раза в день таблетки горстью отсыпать, и дальше на боковую. А несчастные случаи... Как будто часто такое случается! Ну почему опять в мою смену? Наверняка, карательные еще снаружи, в поисках, надо как-то уточнить, что у них там происходит. И людей вызвать, для таких поисков у меня народу мало, на территории некому оставаться, если всех отправить в лес...»

В размышлениях он подошел к воротам. Часовой бодрим жестом отдал честь. Конечно, как тут не бодриться, когда твоя основная обязанность – с краю стоять и наблюдать, как другие вязнут.

– Не было новостей?

– Нет, товарищ лейтенант. Не вернулись еще. Уже совсем темно.

– Да. Вижу без тебя, что темно. Что узнаешь – сразу мне. Когда вернутся, пусть без тормозов ко мне. Не к Перевалову.

– Будет сделано, товарищ лейтенант.

Вернулся к себе. Несколько звонков помогли сформировать дополнительную группу для поисков. Отдал распоряжения, сел писать отчет. Вспомнил про заключенного. Звонок медику. Не отвечает. На обходе наверное. Или уже дрыхнет. Придется идти самому.

Госпиталь располагался на отдельном участке, на северной границе жилой и производственной зон. Он представлял собой отдельный периметр, с собственной системой охраны и отличиями в архитектуре. С этого участка началась история всей тюрьмы. В прошлом столетии все камеры умещались в этом обветшалом сером здании на сотню человек при полном размещении. С ростом населения, преступности и государственности здание перестало отвечать общественным запросам, и было переоборудовано под временный госпиталь. К тому, что временно, требований всегда меньше. Но лишь там, где поселилось временное, рождается посто-

янность, одно без другого не проживет ни минуты. На скорую руку были залатаны внешние последствия времени, но в воздухе по-прежнему витал запах предков и наказания.

Периметр госпиталя по старинной традиции был защищен рвом, а сами помещения внутри были ниже и уже, чем в основном здании. Чтобы сюда добраться, приходилось миновать все его постройки, пустые участки под будущие нужды, часовню, отдельный пристрой, где располагались карцеры, и проход между двумя воротами. В потемках эти унылые строения выглядят особенно мрачно. Ветер с востока пригнал затхлый болотистый запах. И прохладу. Лопырев поднял воротник своей легкой куртки. Территория учреждения была огромная, а наполненность ниже среднего – и непонятно до сих пор, было ли это следствием снижения ожидаемого количества преступности, или все же это немой упрек, как велико еще поле для деятельности его сослуживцев. Многие участки оставались незаселенными, безжизненными, они замерли в ожидании своих постояльцев, не убавляя своей пустотой бдительность охраны. Сотрудникам при необходимости перемещений приходилось преодолевать немалые расстояния, а в темноте прогулка посреди мертвых стен и бьющих током проводов была не самым приятным занятием. Хоть велосипед пригоняй. Зачем раздувать такие площади? Лопырев злился. Хотелось скорее вернуться к отчету. Точнее, хотелось не к отчету, а к чертям отсюда, но выбора не было, а была очередность приказов.

Вход в госпиталь. Все те же бетон, железо и решетки, но с красным крестиком у входа. Охранник, надежно упрятанный под непробиваемым стеклом, сонным движением нажал на кнопку, и впустил Лопырева.

– В какой палате сегодняшний стреляный?

– Двенадцатая. Внутрь, пройдете прямо по коридору, и направо. Потом еще направо.

– Как его фамилия? Что есть по нему?

– Секунду. – перелистнул до хруста исписанную страницу журнала – Порошин... Как много написано... Почерк у медика, руку бы ему оторвать, ногой и то понятнее было бы. Так... Был осужден на казнь, вследствие моратория приговор заменили на срок. А, он из этих... Сидит три и пять.

– Спасибо. Можно к нему? Я недолго.

– Да. Запретов со стороны медика пока не было. Конвой?

– Нет необходимости.

Прямо по коридору, и направо. И еще направо. Проходя вглубь, Лопырев мельком заглядывал в каждую палату через решетчатое дверное окошко. Ничего интересного. Здесь пустые койки попадались гораздо реже. Все хотели сюда попасть, но не все попадали. Здесь было проще, насколько это возможно в учреждении такого типа. Никаких тебе суровых распоряжений, лежи-знай, лечись, чтобы вновь как-нибудь специально или не очень угробить себе здоровье в нескольких сотнях шагов отсюда.

Отбой уже пробит. Большинство больных спали. Те, кто не спал, читали в полумраке, портя себе и без того слабое зрение, или разглядывали низкий беленый потолок. Разговоров не было слышно.

Двенадцатая. Фамилия осужденного вдруг вылетела из головы Лопырева и он напряг мышцы лица, пытаясь ее вспомнить. Постоял несколько секунд. Не вспомнил. В момент, когда ему ее назвали, Лопырев вспоминал статью осужденного. Статью там так и не вспомнил. И фамилию забыл. Так часто бывает. Плевать.

Коридорный открыл тяжелую решетку, дверь, и окошко в двери для наблюдения. Тюремная палата мало чем отличалась от камеры. Разве только тем, что здесь было позволено лежать в любое время, а не только после отбоя.

Дверь проскрипела, нарушая тишину коридора.

– Фамилия, срок? – автоматическая фраза встряхнула замершую палату. Глаза Лопырева еще не успели привыкнуть к полумраку палаты, но это не было причиной молча топтаться в дверях.

Палата была рассчитана на двоих, но занята была всего одна койка. “Прекрасно. Наедине всегда проще.”, – подумал Лопырев, и покашлял, не столько ради прочистки горла, сколько ради привлечения внимания. Там, среди бараков, камер и рабочих зон, он чувствовал себя абсолютно уверенно. Здесь же он не до конца понимал состояние больного, который к тому же пострадал от рук его подчиненного. Сейчас, прежде чем вести себя в своей привычной манере, ему хотелось сначала удостовериться, что больной в сознании и готов воспринимать информацию. Он доложил Перевалову о его стабильном состоянии, однако сам в нем не был уверен. Подставлять коллег не хотелось, здесь это не принято. Если с ним и случится чего, всегда можно сослаться на сопутствующие заболевания. Давно сидит, много чего могло за это время произойти. И попадают сюда сплошь не олимпийские спортсмены.

Человек на койке зашевелился и повернул голову в сторону двери. Видно было, что ему это далось с трудом. Рядом с койкой белела капельница.

– Порошин. Двадцать четыре. Сижу три с половиной.

Голос его хрипел. Что-то внутри него булькнуло.

Лопырев сел на стул, развернувшись телом к кровати больного. Доверия всегда больше, когда собеседник хотя бы вполтину на твоём уровне.

– Скажи мне, Порошин, какой черт тебя дернул вывалиться из строя? Ты же знал, что тебя ждет.

Порошин молчал. Было слышно только его тяжелое дыхание.

– Отвечать!

– Вы там были, начальник. Я не совру. Я услышал... крик. Узнал голос. Почувствовал даже. Это... Я просто не мог.

– Кто там был?

– Сынишка мой.

– Как он тут оказался?

– Я не знаю. Я не успел спросить, накинулись.

– Сколько ему лет?

– Шесть, начальник. В октябре будет семь.

– Зовут?

– Владька. Владислав, тоже Порошин. Вы... нашли его?

– Найдем. Куда он мог пойти? Он знаком с этими местами?

– Я не знаю. Когда я... ушел, он еще был малех совсем. А потом... Я не знаю. Не понимаю, как он мог добраться досюда. Тут ему опасно.

– Наше это дело. Надо было раньше о нем думать. Где его мать?

– Ее нет. Умерла... четыре года как... или около того. Он остался один совсем, после того, как я ушел... Но его приютила двоюродная тетка, она не хотела отдавать его в приютский дом. Точнее, не совсем так. Она хотела льготы. А мне так покойнее. Хоть и чекалдыкнутая она. Но ведь родня, зла ему не причинит. А ко мне она его не возила. Писала всего однажды, мне в ответ, пару строк, что они живы-здоровы, и что малой увлекся рыбалкой. И там же затребовала, чтоб я больше не писал. А мне большего и не надо, и то хорошо, что с ним все хорошо. Дурным влиянием меня обозвала. Гнилым отребьем еще. И еще много чего там приписала. И еще, что не свидимся мы с ним в этой жизни. Это я и сам знаю. Еще тогда смирился, когда первый приговор озвучили. Потом, правда, заменили и снова эта кровоточащая надежда появилась.

А ведь я ему лично же никогда не сделал ничего дурного. Наговорили ему там, наверное, про меня, и навешали ярлыков почем зря. За что вот она так? Он же мал совсем, он верит в чудеса, и наверняка надеется, что папка вернется и все будет хорошо.

– Не с кем ему там в чудеса то верить, с его-то жизнью...

– И вы туда же, начальник. Я, поверьте, сам себя уже тут осудил так, что мне чужих-то осуждений уже и некуда засунуть. Нет им места во мне, словно водой стекают. Да и не нужно оно никому... Можно вас попросить, начальник?

– Что тебе нужно?

– Плохо мне, начальник. Очень. И медик давеча говорил, что я плох. Я не знаю, эти там ихние термины, но чую, дело мое дрянь. – Он заговорил надрывно, в горле периодами вставал острый комок, который он судорожно сглатывал, и от этого его речь прерывалась и звучала как заедающая старая пластинка – Я же... много ошибок в жизни совершил. Какие-то ради него, какие-то ради собственного утешения. Я расплачусь там, где все расплачиваются. Не здесь... Здесь блажь... Я давно уже думал... Как ему в глаза буду смотреть? Подрост бы, приехал сам, и что...? Только его я и мечтал увидеть... Я же все осознал тут... Не повторил бы ошибок своих... И Бог услышал, послал мне сюда мальчонку. Добрался, родимый, незнамо как. Значит, не все так плохо со мной и возможно будет еще мне прощение там... Правда, не увидел я его, проклятая тюремная толща, но все же услышал... Голосистый малец... Пусть и в последний раз... И может, и к лучшему, что не будет у него больше надежды, пусть растет сам по себе... Он умный дюже. Буквы много знал уже, когда я уходил. Я-то только в школе и то не сразу... Я ему такой ни к черту. Обуза одна... Да и подрастет, осудит... Но он сам, он не виноват ни в чем. Он дитя. Его вся жизнь – впереди. Помогите ему, начальник, Бога ради, верните его тетке. Если она еще жива. Она... не очень конечно. Но все же родня. Здесь тревожно, ребенку совсем не место. Не свидеться мне с ним уж, да что на то теперь...

Порошин выдохнул. Лопырев не торопился отвечать.

– Ничего с тобой не будет. Все как ты говорят, а потом от вас в участках покоя нет.

– Начальник, смилуйся, я за вас помолюсь, сколько протяну, но видит Бог, это ребенок, и он ни в чем не виноват. Помоги, начальник.

Он резко остановился и снова булькнул. Лицо, казавшееся в полумраке еще более жутким, исказилось, не то от боли, не то от душевных страданий.

Лопырев молчал. В вынужденные редкие минуты откровений с осужденными он часто слышал похожие истории, все как одна тоскливые и жалостливые, но лишь для говорившего. Ни одна из них его не трогала, негоже бессовестности к совести взывать. Сейчас же, где-то очень глубоко, остатки его человечности все же сжалились над этой исповедью. То ли от противоречивости ситуации, то ли от прямого участия в ней ребенка. В голове крутились дурацкие вопросы. Виноваты ли дети в проступках родителей? Должны ли они отвечать за них? Почему его сюда потянуло? Кем вырастет этот ребенок, идеализирующий своего преступника-отца? Как вести себя с ним, если его найдут? Детей у Лопырева не было и он вообще всегда испытывал неловкость, когда оставался с ними в непосредственной близости. А тут еще и вот это вот все. Как ни крути, малого надо было найти любой ценой, независимо от того, что он тут пообещает или не пообещает.

Однако снаружи он оставался бесстрастным. Натянул безразличие на лицо и даже самому ему от этого стало немного тошно. Время шло, и ясно было, что больше здесь ничего полезного для отчета не выудить.

– Бывай. С тобой еще не закончено. До утра протянешь, а там решим.

Получив в ответ kloкочущее молчание, Лопырев вышел из палаты в коридор. Точечный свет прожекторов направлял к выходу. На душе у него было мрачно, внутри него самого выход из проблем ничем не освещался.

Вроде бы ничего из ряда вон, но все же была неясность. Во-первых, состояние Порошина было не из лучших, и нужно было срочно как-то изворачиваться из этой ситуации. Смерть на территории вследствие действий сотрудника – это всегда сор в избе, который неизбежно вытащат на всеобщее обозрение, и достанется всем. Это всегда паршиво. Во-вторых, этот маль-

чишка. Разбирайся с ним сейчас, и так дел невпроворот, так еще одна дополнительная ответственность. И еще эта темнота. Она сгущала краски. Черт дери этих нарушителей и всю систему в целом.

На обратном пути он вспоминал себя десять лет назад, когда он белокурым наивным юнцом с большими надеждами на светлое будущее поступил в институт на военное дело. Тогда он был уверен, что его прозрачные стремления – защищать страну, охранять порядок, быть щитом и барьером для невинных людей, пострадавших от несправедливых действий преступности – будут придавать ему сил с ней бороться. По факту сейчас он занимался чем-то другим, будто даже противоположным. Окруженный атмосферой ошибок он постепенно переставал понимать, кого и от чего он защищает. Чаще всего его роль проявлялась в ином формате – защита более слабого сокамерника от более сильного, осужденного от сотрудника и наоборот, или подчиненного от начальства. У каждого из них своя история, в которой можно найти изъян. Кто тут выступал невинным? Кто больший злодей? Где грань? Очень часто его служебного положения или душевных порывов было недостаточно для восстановления субъективной справедливости. Плюс постоянные бюрократические проволочки. В некоторые моменты он вообще переставал понимать, за что он борется. Его наивные ожидания остались далеко позади, где-то в районе стен учебного заведения, и сейчас он чаще ощущал себя сортировщиком отходов нежели борцом за человеческие права. Находясь тут, в упорядоченном хаосе, он забывал, как выглядит светлая сторона этого мира. А когда несправедливости становится слишком много, когда она поглощает снаружи и жрет тебя изнутри, она начинает казаться нормой. Это пугало больше всего в моменты раздумий. Лучше не думать, а действовать в соответствии с приказом. Руководствуясь этим принципом, его отношение тоже постепенно менялось. Внутренние противоречия, сопровождавшие его лишь поначалу, сменились безразличием, периодическая жалость почти перестала шевелить душу, и защита той, невидимой из-за высоких тюремных стен стороны, уже не казалась столь значимой. Даже больше. Она как первичная мотивация окончательно потеряла свою силу. Что же будет с ним дальше?

Размышляя, он вышел за ворота госпиталя. Снова прохлада и затхлость. Решил постоять с минуту, глубоко вдыхая ноздрями пробивающийся среди них свежий ночной воздух, отпуская мысли. Отошел в темный угол, чтобы не маячить в камерах. Старая привычка. Закурил. Во мгле виден только этот дергающийся одинокий огонек. Разгорающийся наверху, затухающий внизу. Все как в жизни. Где-то вдалеке раздался вой. И еще раз. Жутковато здесь все-таки. Лопырев растоптал окурки подошвой и двинулся обратно.

У входа в администрацию он встретил караульного из своей сегодняшней смены.

– Есть новости, товарищ лейтенант. Поисковая группа вернулась с полей, они нашли мальчика. Часовой передал, что нужно отвести его к вам. Он с двумя нашими сейчас в вашем кабинете. Что прикажете делать?

– Ничего, дальше я сам.

Лопырев направился к себе. Спешить не хотелось. Он еще не совсем четко понимал, что будет делать. Малец, отец, отчет. Перевалов.

В углу кабинета стоял деревянный стул. На нем, притянув колени к груди, сидел мальчик. Со слов отца, ему было шесть, скоро семь, но выглядел он старше своих лет. Вытянутый и тонкий, как коромысло, без намека на излишества в образе жизни. Спутанные темные волосы, рваная одежда, цвет которой сложно различался под слоем грязи, и такие же грязные разводы на лице. При всем этом бесовском облике мальчик не производил впечатления оборванца – и Лопырев не сразу даже понял, почему. Общее впечатление складывалось в его пользу. Встретясь с ним Лопырев в другом месте, ему скорее захотелось бы его умыть и переодеть, а не выгнать прочь от себя с нотациями о будущем. Лишь взглядевшись в маленькое бесхитрое лицо, он понял: в чертах не читались типичные для уличной ребятни наглость и самоуверенность. Он сидел, скромно потупив глаза, размышлял о чем-то, и не глядел на вошедшего в

кабинет Лопырева. Сходства с отцом Лопырев увидеть не мог, он толком не разглядел последнего в полумраке санчасти. Глаза у мальчика были большие, черные. Уши оттопыривались из под лохматой копны. Грязь из-под ногтей местами выходила даже за пределы пальцев. Было видно, что он преодолел сложную дорогу. И что он, невзирая на возраст, в состоянии оценить обстановку и понимать, что его поступок повлечет за собой необратимые последствия.

– Привет. Ты, кажется, Владик?

Мальчик плавным движением поднял глаза на того, кто задал ему вопрос. Осмотрел Лопырева с головы до ног. После небольшой паузы кивнул в знак согласия, и еще плотнее прижал колени к груди.

Лопырев перевел взгляд в сторону скупающих караульных и кивнул в сторону выхода. Те поняли жест и молча вышли.

– Как ты сюда добрался, Владик? Ты ведь ширяевский, это далеко отсюда.

Мальчик не отвечал, и снова пристально посмотрел на Лопырева, куда-то в область груди. Там не было ничего, что могло его заинтересовать. Скорее всего, он не видел сейчас ничего вокруг, находясь мыслями внутри себя.

– Ты должен мне все рассказать. Мы не враги для тебя, и мы хотим тебе помочь. А для этого мы зададим тебе вопросы, и тебе надо на них ответить. Здесь у нас все очень строго, так что будь молодцом.

– Кто это – мы? – Мальчик задал свой первый вопрос. – Мы же тут одни.

Лопырев немного растерялся. Станный вопрос. Понятно же, кто такие мы, зачем об этом спрашивать.

– Мы – это сотрудники этого учреждения, люди, которые нашли тебя, я, мои коллеги и мой начальник, к которому я отведу тебя после беседы. Мы не желаем тебе зла.

– Вы не можете говорить за всех. Только за себя. И все равно я вам не поверю. Те люди, что нашли меня в кустах дербенника, не были слишком уж добрыми ко мне.

– Они обижали тебя?

– Нет. Но если бы я бросился от них убежать, мне досталось бы по ушам. Они мне так прямо и сказали.

– Это все требуется ради дисциплины. Там опасно, и ты мог погибнуть. Так как ты добрался до ... сюда?

Мальчик смотрел в одну точку куда-то в сторону. Казалось, перед ним сейчас всплывают все трудности, которые ему пришлось преодолеть по дороге сюда.

– Тебе кто-то помогал? – Лопырев продолжил свой допрос. Видно было, что воля у паренька несгибаемая.

– Нет, мне никто не помогал. Я сам добрался.

– Зачем?

Мальчик встретился глазами с глазами Лопырева. У него на лице отразилось удивление.

– Я думал, вы и так все знаете. Вы же все знаете. У меня здесь папка. Я хотел его увидеть.

– Мы знаем, конечно знаем, но...

– Зачем тогда спрашиваете? – мальчик перебил Лопырева, – спрашивайте о том, чего не знаете!

– Ты шел сюда пешком?

– И пешком, и не пешком. По-разному шел. Иногда плыл. И вот добрался. Это было трудно иногда, но я знал, что доберусь.

– Кто тебя надоумил отправиться в такой сложный путь? Ты не мог сам. Тебе явно кто-то помогал.

Лопырев никак не мог поверить, что шестилетний ребенок мог пройти тридцать километров пешком, местами – вплавь, и при этом не заблудиться, не умереть, и добраться до нужного места.

Мальчик посмотрел на него теперь уже гневно.

– Вы думаете, что я – тупица? Это потому, что мой отец – преступник?

– Тихо, не кипятись. Я просто... Мне просто кажется, что одному было бы сложно справиться.

– А я и не говорил, что мне было легко.

Лопырев вздохнул.

– Хорошо, значит, ты был один. С кем ты живешь в Ширяевске?

– Один живу. То есть с теткой. Но ее никогда не бывает дома. А если бывает, я ухожу отсюда.

– Она обижает тебя?

– Да что вы заладили, обижает-не обижает! Какая вам разница? Разве что-то изменится, если я сейчас начну вам жаловаться? Отдадите меня в приютский дом? Или себе заберете? А? – он почти кричал.

– Я уточняю то, что мне необходимо уточнять. – Лопырев начал понимать, что перед ним непростой шестилетний ребенок. И его тон стал более сухим и официальным.

– Мне нужен будет твой адрес. Мы отвезем тебя домой при первой возможности. Сейчас тебе нужно будет немного подождать. Может ты чего-то хочешь? Пить?

Молчание в ответ. Смотрит по-прежнему в угол. Лопырев, поколебавшись, сел за стол оформить все, что услышал, в документ. Слышно было в тишине как скрипит авторучка по жесткой разлинованной бумаге.

Мальчик заговорил.

– Что стало с папкой? Я слышал, в него стреляли. Его убили?

– Нет... не убили. Он жив. Пока жив. Стреляли... не то, чтобы в него. А потому что...

– Дисциплина, да, я понял. То есть, в него не попали?

Эти прямые детские вопросы выводили Лопырева из равновесия. Он не мог ему врать, но и всю правду говорить тоже не мог.

– Попали. У него ранение. Он в больнице и ему помогают.

– Сначала стреляют. Потом помогают. Вы странные.

– Тебе не понять, мал еще.

Снова этот быстрый гневный взгляд в сторону Лопырева.

– Он умрет?

– Я не знаю.

Последнее было правдой. Откуда Лопырев мог знать наверняка? Только предположения самого раненого – больше у него ничего не было. Хотя у него все равно оставалось чувство, что он что-то не договаривает. Он продолжал писать. Но вдруг оторвался от документа и вопросительно посмотрел на мальчика.

– Как долго ты просидел под стеной? Ведь ты не знал, когда именно там пройдет строй, и что он вообще пройдет именно там.

– Долго сидел. Я и не знал. Я чувствовал просто, что надо ждать там.

Мальчик крепче обхватил руками ноги, положив подбородок на колени. Лопырев завис на полминуты, разглядывая его. Чувствовалась в нем какая-то сила, которая не позволяла взрослому задавать ему лишних вопросов. Сила и что-то еще... Суровость, несвойственная детям. Отсутствие наивности. Лопырев вернулся к своей работе. Писал долго, изредка поглядывая на мальчика, и вскоре начал замечать, что тот клюет носом на неудобном стуле, не меняя позы.

Бумага готова. Надо отнести ее к Перевалову. Мальчика он еще минуту назад собирался отвести туда же, но вид уставшего сонного ребенка, неизвестно сколько времени пробывшего в условиях суровой природы, заставил Лопырева передумать и поискать глазами более удобное место для его отдыха. Ничего из мягкой мебели у него в кабинете не было, но какое-

то подобие кушетки стояло в коридоре и можно было уложить его там. Правда, нельзя было оставлять его без присмотра, тот легко мог убежать, спрятаться, а повторной потери ребенка на территории ему бы не простили. Лопырев подошел вплотную к спящему мальчику, удивляясь, как тот умудрялся не свалиться со стула, и поднял его на руки. Тот оказался очень легким, как пустотелый сосуд. Только сейчас Лопырев подумал о том, что мальчик, возможно, не ел несколько суток. Мысленно укорил себя за позднюю сообразительность, и вышел с ним в коридор. Кушетка стояла неподалеку.

Аккуратно уложил мальчика, подложив ему под голову его же курточку, и слегка присвистнул стоящему в отдалении коридорному. Тот приблизился. Лопырев попросил приглядеть за ребенком, вернулся в кабинет за своим отчетом, после чего направился в сторону Большого кабинета.

Подошел к двери Перевалова. Постучал негромко, не привлекая к себе внимания. Внутри послышался кашель и хриплый голос произнес: «Войдите». Вошел, дверь как-то тихо и сама по себе закрылась. Вероятно, она тоже боится беспокоить лишний раз своего владельца. Перевалов не изменил позы с момента их последней встречи, и все также сидел за столом. Запах потушенных окурков вперемешку с бумажной пылью.

– Виктор Александрович, разрешите доложить.

– Говори.

Перевалов давно ждет новостей, позволяющих ему с полной ответственностью покинуть свое рабочее место.

– Поисковая группа обнаружила ребенка, он цел, невредим, и опрошен. Он действительно является сыном сегодняшнего беглеца. Беглец в госпитале, и его состояние ухудшилось к ночи. Есть подозрение, что он может скончаться, он слаб, там помимо нашего, еще много сопутствующих. Я говорил с ним, он полностью вменяем. Вину признает. Вот полный отчет об инциденте и последствиях. Если захотите что-то... чтобы я что-то изменил, я к вашим услугам, моя смена заканчивается в двенадцать.

– Где ребенок?

– Он у меня, уснул в кабинете, сейчас под присмотром. Хотел привести его сюда, но не успел.. Похоже, всю дорогу проделал сам, на это ушло несколько дней, и под стеной сидел неизвестно сколько. Отдохнуть бы ему, помыться, накормиться. Что прикажете с ним делать?

– Черт его знает. Везти его надо домой, что еще с ним сделаешь. Однако... выпускать из виду его нельзя. Особенно, если отец его на тот свет отправится. Докажи им потом, что бегал он у нас тут. Никто же не поверит. Камеры на вышках его не зацепили. Пацан теперь у нас свидетель по делу. Нет, отпускать его нельзя. Но и держать здесь не имеем права. Какой он из себя?

– Он... как бы поточнее... кусачий. Щетинится, если что не по его. Его отец сегодня причитал словно старушка богобоязненная, а он за словом в карман не лезет. С ним надо бы поосторожнее. Знает, что в отца стреляли. Боюсь, назло нам может и лишнего ляпнуть. Умен для своих лет. Таково впечатление первое.

Перевалов задумчиво чесал карандашом затылок. Потом слегка его погрыз. И снова к затылку, и так по кругу. Сосредоточенность его мыслей утяжеляла обстановку. В какой-то момент Лопыреву показалось, что Перевалов в своем подвисании забыл, на чем остановился их разговор, но именно в этот момент он произнес, растягивая паузы между словами:

– Хорошо, Лопырев. Я ознакомлюсь с твоим отчетом и решу, что делать. Пусть пока побудет у тебя. Как проснется – веди его ко мне.

– Понял, Виктор Александрович.

– Иди.

Лопырев перевернулся на каблуке, по старой привычке еще из училища, и покинул кабинет.

“Отпускать нельзя... Держать не имеем права...” крутилось бумерангом в голове Лопырева по дороге назад. Обычно он любил считывать с лица намерения начальства и предлагать наилучшие варианты решения задач еще до того, как те придут им в голову. Но сейчас... Какого черта? Он сам запутался. Что еще можно сделать с этим мальчишкой?

А между тем этот мальчишка к моменту возвращения Лопырева уже проснулся и сидел на кушетке, озираясь по сторонам пугливым волчонком. Он заприметил охранника, наблюдавшего за ним, и теперь, очевидно, размышлял, как ему вести себя дальше. Лопырев решил не обнаруживать своих сомнений, поэтому просто подошел и дружелюбно сел с ним рядом.

– Выспался? – Лопырев улыбался.

– Нет, – мальчик, несмотря всю дружелюбность Лопырева, все равно оставался колючим. Однако его молодость и белокурость все же немного подкупали. На фоне остальных сотрудников этого учреждения, с которыми он успел повстречаться, этот сам выглядел немного ребенком.

– Нам нужно пойти с тобой к моему начальнику, но можем сделать это попозже, если ты не готов прямо сейчас.

– Не готов к чему? Он меня арестует?

Лопырев слышал от коллег, что Перевалов в своей обычной манере даже со своими детьми особенно не церемонился, и наверняка устроит допрос маленькому человеку, которому больше всего сейчас нужна еда, вода и тепло. Ему стало как-то не по себе. Тем более Перевалов наверняка еще сам не решил, что нужно делать с ребенком, и того ожидают мучительные часы ожидания в неприятном Большом кабинете. Сердце защемила жалость.

– Нет, конечно... Конечно, он тебя не арестует. Ты же не преступник. Хотя тебе не следовало здесь появляться, твой поступок повлек за собой много неприятностей.

– Тогда я к нему не хочу вообще идти.

– Почему?

– Я хочу, чтоб он меня арестовал. Тогда я бы увидел папку. А если нет, то зачем мне тогда встречаться с какими-то начальниками, если от них никакого толку, одни дурацкие вопросы.

Лопырев снова растерялся. Он так до конца и не понял, как правильно отвечать и общаться с этим ребенком.

– Он не сделает тебе ничего плохого. И я все равно больше ничем не могу тебе помочь.

– Может быть, ты сам можешь меня арестовать?

Владька с надеждой посмотрел в глаза Лопыреву, и под этим взглядом Лопыреву захотелось провалиться сквозь землю.

– Послушай... Здесь плохое место. Тебе нельзя здесь находиться. Это... не положено. Везде, где бы ты ни был, лучше, чем здесь, просто поверь мне. У твоего папки не было выбора. Но ему здесь не плохо. Это место для взрослых. Твой папка – взрослый, и он здесь не потому, что просто захотел.

– Я тоже уже взрослый. И выбор мне не нужен. Я его уже сделал. Теть Вера всегда говорит, что я слишком уже взрослый для всяких игр и прочих детских вещей, которые есть у других детей. Почему я не могу тогда жить среди взрослых? И еще она говорит, что я должен сам уметь жить. Я не знаю, как это – уметь жить. Мне кажется, я и так умею. Ведь я живу. И не умираю. Значит, умею. Все умеют! И еще мне кажется, что я должен делать то, что хочу, потому что то, чего я не хочу, меня постоянно заставляют делать взрослые, значит, когда я буду делать то, что я хочу, тогда и я повзрелею. Вот ты же взрослый?

Лопырев сидел рядом, стараясь не смотреть ему в глаза, и медленно кивнул, предчувствуя очередной подвох. Мальчик говорил очень искренне, болтая ногами под кушеткой. С его худых ботинок летела грязь комьями.

– Да, я взрослый.

– Ты всегда делаешь то, что хочешь?

- Не всегда.
- Почему?
- Потому что иногда то, что я хочу, нельзя делать.
- А кто сказал, что нельзя?
- Другие взрослые.
- А им кто это сказал?
- Сами так решили.
- То есть, получается, они этого хотели?
- Получается, так.
- Значит, ты еще недостаточно взрослый?

Лопырев не знал, что ответить. Проще было согласиться.

– Получается, что да. Понимаешь, есть вещи, которые решены за меня, и без меня, и они появились задолго до моего рождения. Я просто подчиняюсь.

Владька промолчал. Комья продолжали отваливаться и падать под кушетку. Лопырев мысленно пересчитывал лежавшие на полу кусочки.

- Это и есть та дисциплина, о которой ты все время талдычишь?
- Да. Это она и есть.
- Это ужасно скучно. У тебя есть какая-нибудь еда? У меня живот сводит.

Лопырев спохватился. Опять упустил из виду самое важное.

- Пошли, я что-нибудь найду для тебя.

Они зашли в кабинет. Лопырев подошел к своему столу, на ходу вспоминая, есть ли у него вообще хоть что-нибудь съестное. Открывая поочередно свои ящички, он вытащил из них подсохшие печенья вместе с крупными крошками, жухлое яблоко в точках, и три конфеты, которыми его пару дней назад угостила молодая повариха. Она строила ему глазки с самого первого момента, как устроилась на кухню, и все время чем-нибудь угощала. Лопырев осмотрел запасы. Не густо, но лучше, чем ничего. Все равно раньше утра ничего другого не найти. Не по камерам же идти в поисках зачех. Чайник он поставил сразу же при входе, и он уже начинал пыхтеть и посвистывать.

Он переложил все припасы на большой белый лист бумаги и протянул их Владьке, который уже по привычке к местной обстановке и держался более уверенно. Он разглядывал полки с бумагами в толстых картонных переплетах на завязках, потрогал решетки на окнах, покрутил в руках кружку со сколотым краем, на которой была смешная надпись про службу в войсках. Порошин-отец что-то говорил про то, что парень умеет читать, но надпись его почему-то не насмешила. Наверное потому, что он ничего не знает про службу. Затем внимание Владьки привлекла фотография группы сослуживцев Лопырева, сделанная два года назад на одном из спортивных мероприятий учреждения. Это мероприятие было проведено в честь национальной общеоздоровительной программы, и в нее включались, помимо сотрудников, только те исправляющиеся, которые не получали никаких нареканий со стороны зрителей и в общем имели исключительно благоприятные показатели за все время пребывания.

- Иди пить чай. Я тебе налил.
- А кто это там? – Владька не спешил к еде. Он не отрывался от фотографии.
- Там мои товарищи.
- Вы здесь фотографировались?
- Да, здесь, это было два года назад.
- Среди них есть мой папка? – в тоненьком голосе снова промелькнула надежда.
- Нет. Там его нет. Там только мои сослуживцы. Те, кто служат здесь. Кто приходит сюда на работу, то есть. – Лопырев стоял спиной, размешивая кусок сахара в кружке, надеясь, что

когда он обернется, внимание мальчика переключится на что-нибудь другое. Обернулся, но нет. Тот по-прежнему стоял, уставившись в стенку.

- А у тебя есть фотографии с ним?
- С твоим отцом? Нет, с ним нет.
- Потому что вы с ним не товарищи?
- Можно и так сказать.
- А кто такие – товарищи?

“Это не мальчик, а бездонная бочка с вопросами... Хорошо, что у меня нет детей...” – это было сказано про себя, а вслух: – Товарищ... – Лопырев постучал ложкой о край кружки – ...Это тот, кого ты уважаешь, поддерживаешь... С которым готов проводить свое свободное время...

– Товарищ – это хороший человек?
– Если ты – хороший, то и товарищи у тебя будут, скорее всего, хорошие. А если ты сам не очень, то и товарищи у тебя будут тебе под стать.

– Твои товарищи – хорошие?
– Да, они хорошие люди.
– Значит... мой папка – не очень... ? Раз вы с ним не товарищи? – он затих, затаив дыхание.

– Я не был знаком близко с твоим папкой. Может быть, он и хороший человек. Я не знаю. Все в мире хорошие люди не могут быть товарищами, времени просто не хватит со всеми перезнакомиться.

Владька оживился.

– Он точно хороший человек! Вы обязательно могли стать с ним товарищами, если бы познакомились! Он такие штуки вытворял, когда был дома! Мы с ним и кораблики делали, такие, с воском на доньшках, и плотину строили на речке нашей, Ширяевке! Я помню кое-что, хоть и давно было это! А однажды мы поймали воот такого зайца, в силки, и он даже там не поранился, дождался нас живехонький поутру! Ушастый такой, смешной, то-то мы смеялись там! А папка-то, он сжалился над ним и выпустил на волю, вот какой он добрый! Скорей бы он вернулся! Теть Вера говорит, что не дождусь я его никогда, что не вернется он, но я ей не верю, она недобрая к нему, злится отчего-то, а я-то знаю, что дождусь! Я точно знаю.

Он размахивал руками, и его возгласы становились уже слишком шумными для времени и места. Лопыреву пришлось жестом успокоить его и почти силком усадить на стул. Видимо, длительный голод все же взял свое, чай с едой заняли его внимание, и Лопырев надеялся, что пауза продлится как можно дольше.

Владик молча жевал яблоко и смотрел на Лопырева. Ел он торопливо, но не жадно. Еще не дойдя до огрызка, он с полным ртом медленно спросил:

- А ты знаешь, где она находится, эта больница?
- Этого вопроса Лопырев ждал. Хоть и опасался мысленно.
- Да, я знаю, – и, предвосхищая его просьбу, добавил – но нам с тобой туда нельзя.
 - Даже тебе?
 - Даже мне.
 - Почему?
 - Туда никому нельзя просто так.

– Почему? Больница – ведь это не тюрьма. Я ходил туда с тетей Верой. Ей тогда плохо стало. И даже сам лежал однажды, с гландами. Больно было.

- Это тюремная больница, не обычная, правила там такие же, как в тюрьме.
- А если бы ты мог туда пройти, ты бы отвел меня, чтобы встретиться с папкой?
- Отвел, наверное...

Этот ответ еще долго не давал покоя Лопыреву. Позже, много дней спустя, он пытался понять, действительно ли он сказал правду Владьке, или просто ответил автоматически. Пытался представить. Что, если бы он и вправду мог? К чему бы это могло привести? Нужно ли было это им обоим? От кого зависело это на самом деле? Мог ли он это сделать на самом деле?

Вопросов много. Ответов нет. Владька хрустел остатками яблока.

В конце концов, он просто ребенок. И завтра его уже тут не будет. Как и всех тех вопросов, что принес он с собой в эту темную ночь. Еще пара часов и начнет светать. Необходимо уводить его к Перевалову. Теперь он уже будет не в его власти, и не Лопыреву нести за него ответственность.

– Доел? Молодец. А теперь нам надо идти.

– К твоему начальнику?

– Да.

– А что он будет со мной делать?

– Ничего. Наверное, увезет тебя домой.

– Я не хочу домой.

– Почему?

– Там я уже был. Там ничего интересного. И поэтому я пришел сюда.

– У тебя должен быть дом. Ты не можешь слоняться по лесам и болотам. У каждого должен быть дом.

– Папка вот жил дома. Теперь он живет тут. То есть дом там, где ты.

– Дом там, где тебя ждут. Наверняка, твоя тетя Вера о тебе сильно беспокоится.

– Это вряд ли. Папка меня точно всегда больше ждет, чем она.

– Это не обсуждается. Пошли. Собирайся.

Владька вздохнул и встал со стула, стряхнув крошки с брюк. Понуро плелся за Лопыревым по коридору. В момент, когда они заходили в кабинет к Перевалову, он на одно мгновение спрятался за его штаниной, осторожно вглядываясь в лицо нового незнакомца, с которым его свело это мрачное место. Лопыреву показалось, что Владьке не хотелось расставаться, когда он, отдав честь начальнику, был вынужден оставить их наедине и вернуться к себе. Перед уходом, он мимоходом посмотрел в глаза мальчишке, и не увидел в них ничего, что начал замечать до этого. Едва пробуждающиеся доверие и дружелюбность снова утонули в глубинах маленькой души.

На этот раз при выходе из кабинета дверь закрылась с грохотом, как бы намекая Лопыреву, чтобы больше он здесь в ближайшее время не появлялся.

Глава IV.

Перевалов смотрел на Владьку. Владька – на Перевалова. Пристальное молчание, и ни один из них не уводил взгляд в сторону. Первым заговорил Перевалов.

– Ты поедешь со мной.

– Не хочу никуда ехать.

– Тут хочешь остаться?

– Да.

– Это проще простого, – ухмыльнулся Перевалов, – но твое время еще не пришло. Не переживай, ты сюда еще вернешься. Но позже. Сейчас тут для тебя места нет.

– Тут много места. Всем хватит.

– Закрыта тема. Мы выходим. Пошли.

Перевалов вышел из-за стола, убрал пухлый прошитый журнал в ящик под замок, осмотрел стол и направился к двери. По пути стянул с крючка свой портфель и, не оборачиваясь на Владьку, велел идти за ним. В его движениях и в тоне чувствовалась власть, граничащая с жестокостью, и Владик побоялся ему перечить. Неохотно поплелся следом. Пусть так. На месте сориентируется. Может, получится снова убежать?

Они вышли во двор, шаг за шагом приближаясь к главным воротам, которые оберегались хитровыдуманными системами защиты и часовыми. Один часовой совсем не шевелился, прижал ружье к плечу и был похож в свете луны на мраморного истукана. Владька вглядывался в лицо, пытаясь понять, моргает ли он. Как будто бы нет. Люди не могут не моргать так долго, может он ненастоящий? Может они все тут – ненастоящие? На воротах с обеих сторон висели щиты с одинаковой надписью, которая хорошо просматривалась даже ночью в свете башенных прожекторов: “У свободы всегда есть границы”. Надпись служила напутствием для входящих и особенно – для выходящих, потому что с внутренней стороны даже прикрутили дополнительную лампочку по верхней линии над словом “всегда”. Владька не особенно понял смысл этой фразы, но наверное, она должна была что-то значить, раз ей выделили такое важное место.

Прохладная ночь с огромным черным небом повисла над ними, скрывая все то, что было рядом, на земле, и открывая для обзора то, что было далеко наверху – мерцающие звезды. Это было так красиво – россыпь этих маленьких точек. Некоторые покрупнее, некоторые помельче, словно мелочь в кармане состоятельного человека. Однажды дед Петя Жуков, Владькин сосед, рассказал ему, что эти точки на самом деле не точки, а огромные небесные тела, которые даже больше нашей планеты, и что некоторых из них может и не быть совсем, потому что они давно взорвались, но увидеть это мы сможем только через пару тысяч лет. В прошлом герой войны, а ныне просто обезноженный старик, дед Петя чаще всего коротал свои дни, катаясь туда-сюда по дорожке у крыльца своего домишки на поскрипывающем инвалидном кресле. Он много чего ему рассказывал, и про войну, и про природу, и про привычки плохих людей, и про то, как вырасти порядочным человеком. Кроме него Владьке никто ничего не рассказывал, и он ему почти всегда верил. Но вот звезды и тысячи лет.... Это в голове у Владьки не укладывалось. Они ведь размером с крошку! Наверняка, если построить батут размером с город, до какой-нибудь такой звездочки можно легко допрыгнуть. Странно, что до этого еще никто не додумался. Может, кто-нибудь и додумался, но газет теть Вера не выписывала, а в телевизоре что-то сломалось, остался только звук, без картинки, и сейчас он служил не самой удобной полкой для рассады. С него все время что-то само по себе падало, ломалось и рассыпалось, а получал за это Владька, поэтому он обходил его стороной. У дед Пети же всегда показывали лишь черно-белые скучные передачи, и Владьке это было не интересно. Но ведь размер определить на глаз не сложно. Большим был соседский гараж, с высоты которого было так круто прыгать в пышный сугроб зимой; гигантской была швабра теть Веры, которой она часто грела Владьку за

провинности; бесконечно длинной была дорога сюда, к папке; и огромным на этом пути было сжимающее горло чувство, что он заблудится, уйдет не туда, куда он намеревался, и не сможет увидеть папку. Все это было ощутимых размеров. А то, что не ощутимо, то, что невозможно почувствовать или увидеть, то не может быть большим, все это, скорее всего, неправда. Можно наболтать что угодно, а кто проверит? На прошлой неделе Владька сказал толстухе-соседке, зашедшей к ним в поисках теть Веры, когда ее не было дома, что та посмотрелась телевизора и уплыла на большом корабле в Италию, потому что в усмерть любила макароны и так хотела попробовать по-ихнему, что не могла больше ждать; и что она оставила по доброте их дом и огород всем ширяевским детям, и именно поэтому Владька делает из шатающихся досок забора трамплин для велосипедов. Она ему тогда не поверила. Вот почему? Теть Вера же и правда любила макароны. А соседка ведь еще и накричала, и еще обозвала как-то обидно, а позже все рассказала теть Вере. Та бесновалась пуще обычного. Отлупила почем зря. Почему тогда он должен верить всему, что говорят? Хотя обычно он верил дед Пете. И про Италию он тоже от него узнал.

Владька вдруг осознал, что его отсюда уводят, и обратно больше не пустят. Он так мечтал сюда попасть последние три года. Все говорили, что до этого места невозможно добраться. А он добрался все же. Чтобы только увидеть папку. А сейчас из-за этого злого мужика в форме он его не увидит. Куда его вообще ведут? Он не мог отсюда уйти, не сделав того, о чем мечтал.

Перевалов широким твердым шагом шел впереди, загораживая собой яркий свет заборных фонарей. Владька шел сзади. Он замедлил ход. Перевалов шел в прежнем темпе, не оборачиваясь. Владька остановился. Едва ступая на носочки расхлябанных ботинок, он осторожно попятился. Один шаг назад, второй, третий. Расстояние между ними стремительно увеличивалось. В потемках Перевалов казался двигающейся горой, а мальчик – маленьким камушком. Но в сердце камушка в этот миг нарастало мужество. Он бросился в сторону. Мягко и быстро, как напуганный хрустом веток заяц, он бежал сам не зная куда, в ту сторону, где было совсем темно, куда не проникал свет. Темнота сейчас была его спасителем. В ушах у него шумело, но звуков погони за собой он пока не различал.

Впереди выросла стена. Скользнул в сторону. Послышался приглушенный крик, где-то далеко сзади. Это, наверное, Перевалов. Владька побежал еще быстрее, сердце билось с такой же скоростью. По над стеной росли колючие кустарники неизвестных Владьке растений, он то и дело наткнулся на острые ветки, они били ему по лицу и рукам, преграждая дорогу. Он жмурился и бежал почти наощупь. Он прибежит, прибежит, он храбрый, он не сдастся, а потом найдет папку, они увидятся, обязательно увидятся. Он расскажет ему все, что носил в себе. Оба они расскажут. Надо только спрятаться получше. Эти смотрители его не найдут, никогда, он сможет, он сольется с землей, с травой, с цветом ночи. Снова тупик, и снова свернул левее. Бежал, спотыкаясь сам об себя и иногда – об асфальт. Добегу, добегу – стучало в голове.

Резкая остановка. Уткнулся во что-то твердое, не успев даже понять, что это, и как оно там оказалось, ведь еще одну секунду назад там ничего не было. Упал от неожиданности. Больно, ударился затылком о землю; щурясь от боли увидел, как в небе над ним выросли две огромные ручки, будто два ковша экскаватора, и подняли его в жесткой хватке. Тряхнули. Он повис в воздухе. Сражаясь с темнотой, как отлученный от матери слепой котенок, он понял, что его снова несут туда, откуда он убежал. Все зря, его поймали... Он не смог. Осознание беспомощности поднималось вверх по пищеводу и готово было вот-вот пролиться. Но для пустых слез сейчас было неподходящее время. Нужно было понять, что его ждет, и можно ли предпринять новую попытку побега. Подождать...

Огромными размашистыми шагами, как в сказках про людоеда с его быстроходными сапогами, они приблизились к освещенным воротам, где их ожидал Перевалов и еще несколько человек в форме с оружием. Все смотрели на Владьку и обладателя огромных ручищ, которого самому Владьке разглядеть не удавалось. Подойдя вплотную, ручища бросили его на твердый

асфальт, прямо под ноги Перевалову. Последний стоял, насупившись. В эту минуту он казался еще злее, чем там, у себя за столом.

Владька подтянул к себе одно колено, продолжая лежать. Оно сильно заныло, он ударился им при падении. Владька стиснул зубы, зная, что стоит ему сейчас дать слабину и разреветься, как может стать еще больнее, как бывало с разъяренной тетей Верой. Та не любила осознавать, что она причиняла ребенку боль, и чтобы заглушить его крики и свои муки совести, могла ударить его еще сильнее. Обычно она его колотила, чтоб он стал добрее, старательнее, терпеливее, то есть не таким, каким он на самом деле был. Сама она добротой и терпеливостью тоже не отличалась. Наверное, ее мало колотили в детстве. Метод никогда не работал. Только она этого не понимала. Владька, наоборот, еще больше ожесточился. И сейчас, лежа на холодном асфальте, не зная никого из людей, стоящих вокруг него и не причиняющих ему пока никакого вреда, он ненавидел их всех в целом и каждого в отдельности. И будь у него возможность причинить им физическую боль, любую, даже самую малую, он причинил бы. Чтобы заглушить свою. Но он не мог. И поэтому просто лежал и ждал, что будет дальше.

Перевалов шагнул к нему навстречу и наклонился. Владька съехался, зажмурился, ожидая удара. Но ничего не произошло. Он приоткрыл глаза. Перевалов смотрел ему в лицо и молчал. Это длилось вечность, наверное целую минуту, или даже больше. Остальные молчали. Потом Перевалов взял его за шкварник, и поднял на ноги.

– Идти можешь?

Владька молчал. Потом осторожно кивнул.

– Тогда пошёл. Вперёд. – команда была строгой. Нельзя не подчиниться.

Владька пошел вдоль по темной дороге, теперь уже он шел впереди. Прямо в спину ему периодически упиралось колено идущего сзади Перевалова, и он знал, что это колено не позволит ему сделать лишнее движение. Он просто шел. Колено подсказывало путь. Выход и толстенные окутанные проволокой стены остались далеко позади, также как и все системы защиты, которые ему никогда не преодолеть самостоятельно. С подгоняющим его сзади коленом ему были открыты все дороги. Но дороги вели в другую сторону, совсем не туда, куда он так давно хотел попасть. Они уводили его от отца. Его черты лица стирались с течением времени, оставляя лишь отдельные яркие пятна во внешности: колючие усы цвета черного металла с примесью ржавчины, челка вихром, свесившаяся на бок, глубокая оспина между бровями, который тогда казался ему третьим глазом; но Владька был уверен в том, что узнает отца при встрече. Невозможно не узнать единственного человека на свете, который тебя любит всем сердцем, он это чувствовал – и тогда, и сейчас. Пусть они все говорят, что хотят, он много наслушался за свою жизнь о себе и своих родителях. Они ничего не знают, каждый только собой занят, а до других им дела нет. У всех есть кто-нибудь, и поэтому им легко осуждать. Он все равно очень любит своего отца и они обязательно встретятся. Пусть он пока не знает как... А сейчас...

Будь что будет.

Как-то внезапно комок, стоящий в горле, ослабился и перестал распирает изнутри. В глазах стало мокро. Так сильно мокро, что он совсем перестал различать и без того плохо просматриваемую в темноте дорогу впереди себя. Пару раз сворачивал с тропинки, наткнулся на корни деревьев, и получая направляющие пинки сзади, возвращался куда следовало. Шел, молча глотая слезы.

Он что-нибудь придумает.

Эта мысль придавала ему сил не реветь вслух.

Стоянка. Сели в машину буро-серого цвета. Внутри салона все было таким же буро-серым. Владька сел туда, куда ему было указано – на переднее сиденье. Раньше он никогда не ездил на переднем сиденье. Он вообще за всю свою недолгую жизнь всего пару раз сидел в автомобиле, в настоящем, не сломанном, и сейчас даже ненависть к сидящему рядом взрос-

лему не мешала ему с любопытством разглядывать детали машины. Руль, вкруговую обтянутый черной изолентой, пепельница без пепла, магнитола с тремя поворотными выключателями – все это очень хотелось потрогать и погладить, но было страшновато. Владька уместился на половине протертого замшевого кресла, и незаметно для Перевалова поглаживал ворс, представляя, как когда-нибудь, когда он вырастет, у него будет такой же автомобиль с таким же шелковистым креслом.

Ехали долго и молча. Дорога до Ширяевска занимала примерно минут сорок-пятьдесят, и не была популярным направлением – на пути им не встретилось ни единой машины. По этой же причине никто не занимался ее ремонтом и благоустройством. Здесь легко потеряться и трудно что-либо найти. На одном из самых ухабистых участков дороги, когда Перевалов сбросил скорость до минимума и прижался к обочине, Владьке показалось, что он хочет остановить машину и высадить его прямо тут, посреди болот. Хотел было обрадоваться, но тут же скорость стала наращиваться.

Только сейчас впервые за всю ночь Владька задумался, куда же они все-таки едут. Этот дядька не знал адреса тетя Веры. Хотя он мог спросить у кого-нибудь, ведь эти, в погонах, вечно что-нибудь вынюхивают. Бить его или бросать в лесу он вроде бы не собирался, потому что мог это сделать еще там, в тюрьме, и к тому же они проехали уже все самые заброшенные места, где можно было бы легко избавиться от него. Особенно сейчас, посреди ночи. Впереди простирался город. Доверия Перевалов не вызывал. В отличие от другого, помоложе, который остался там. Который кормил его печеньем. Может, в приютский дом? Но Владька знал, что его туда не направят, пока тетя Вера от него окончательно не откажется. Она ему сотню раз об этом говорила. Напугать, наверное, пыталась, но Владька приютского дома совсем не боялся. Возможно, в особенной ярости она и хотела бы это сделать, но все же не решалась. Может, после его побега и решится, кстати. Она всегда повторяла что-то про “последнюю каплю терпения”, но не упоминала, что конкретно ее исчерпает. Может, дед Пете сдадут? С ним точно было бы веселее. Но он ведь через дом от тетя Веры живет, и та все равно Владьку обратно ради льготы выцарапает. А больше и некуда было. Куда вот? Кому он нужен? Куда бы его не привезли, он все равно снова убежит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.